

**УПРАВЛЕНИЕ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ: ПРОБЛЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)**

Мирвелова А.А.,
аспирант Северо-Кавказского федерального университета

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы управления водными ресурсами. Автор рассматривает геополитическое соперничество в регионе, позицию России, использование международного опыта в разрешении водных проблем. Подвергнут анализу комплекс проблем, приведших к нынешнему конфликтному состоянию в Центральной Азии. Выделяется политическая составляющая проблемы наряду с экономической, экологической, демографической и т.д.

Ключевые слова. Водная политика, водные ресурсы, квотирование водных ресурсов, национальные элиты, модернизация, политическая воля.

**WATER RESOURCES MANAGEMENT: THE PROBLEM OF DISTRIBUTION
(ON THE EXAMPLE OF CENTRAL ASIA)**

Mirvelova A.A.,
POST-graduate student, North Caucasus Federal University

Abstract. The article deals with the problems of water resources management. The author considers geopolitical rivalry in the region, Russia's position, the use of international experience in solving water problems. The complex of problems that led to the current conflict situation in Central Asia will be analyzed. The author highlights the political component of the problem along with economic, environmental, demographic, etc.

Key words. Water policy, water resources, water quotas, national elites, modernization, political will.

Российская Федерация в 90-е годы XX века не проявляла особого интереса к Центральной Азии, но с началом нового тысячелетия снова заявила, что рассматривает этот регион как зону своего политического и экономического влияния и в то же время как зону особых интересов в сфере безопасности - безопасности в смысле стабильности государств. Очевидно, что при этом возникают аналогичные конфликты между экономическими и политическими интересами, как и в случае с Евросоюзом.

Россия не имеет программ по Центральной Азии, сравнимых с инициативами ЕС, поэтому российскую позицию по вопросам распределения водных ресурсов бывает труднее понять. По словам директора Отдела СНГ российского МИД Максима Пешкова, Российская Федерация стремится к решению существующих проблем в соответствии с международным правом и общепризнанными нормами в интересах соответствующих государств и, исходя из этого, готова вести переговоры и делать конкретные предложения. Целью является выработка долгосрочных соглашений об использовании водных ресурсов и введении квот на отбор воды и поставки электроэнергии, а также санкций за нарушение

договоров. Как будут заключаться такие соглашения: между двумя, тремя или всеми пятью центрально-азиатскими государствами, не имеет для России решающего значения, главное, чтобы их признавали и соблюдали. Российская Федерация поддерживает идею проведения международных экспертиз по оценке возможных последствий осуществления крупных гидротехнических проектов, сосредотачивая при этом свои усилия на создании международной организации, которая должна регулировать отношения между сторонами, и участия в гидроэнергетических проектах, способных удовлетворить потребности государств верхнего и нижнего течения рек [1]. Российские подходы к разрешению конфликтов из-за водных ресурсов, таким образом, во многом совпадают с подходами ЕС, но цели не столь масштабны. Кроме того, энергетические интересы России противостоят интересам ЕС, а также богатых энергоносителями центрально-азиатских государств: Россия хотела бы, конечно, сохранить практически монопольный доступ к месторождениям нефти и природного газа в Центральной Азии [3].

Государства Центральной Азии, в целом, признают особую роль России. Что же касается ее позитивной или негативной оценки, то она зависит не столько от конкретных проблем, сколько от общей политической позиции того или иного государства. Киргизстан и Таджикистан, в принципе, видят в России нечто вроде государства-протектора, хотя и выступают в отдельных случаях против РФ. Позиция Узбекистана по отношению к России подвержена сильным колебаниям. У Казахстана хорошие отношения с Россией. То, что оценки политических советников в конкретных случаях не всегда совпадают с этой базовой ориентацией, показывают два следующих примера.

Большинство центрально-азиатских политиков и политологов, в целом, приветствуют поддержку извне, многие считают, что Центральная Азия сама, без внешнего медиатора не сможет справиться с проблемами распределения водных ресурсов. Разногласия начинаются тогда, когда внешняя поддержка становится вмешательством во внутренние дела.

Представители политики и науки центрально-азиатских государств испытывают по отношению к международному участию такое же недоверие, как и по отношению к своим центрально-азиатским соседям. Это в равной мере относится и к ЕС, и к российским инициативам, что затрудняет любое внешнее посредничество.

Но при этом вероятность того, что государства Центральной Азии сами разрешат свои конфликты, связанные с распределением водных ресурсов, постоянно снижается. Иранское участие в строительстве Рогунской ГЭС расширяется, Китай тоже будет играть растущую роль в водной сфере, США будут также активнее влиять на распределение вод центрально-азиатских рек, что обусловлено их ролью в Афганистане. 22 февраля 2011

года Комитет по международным отношениям Сената США в докладе о водных ресурсах в Афганистане и Пакистане подчеркнул их значение для региональной стабильности, потребовав, чтобы США в своей внешней политике в большей мере учитывали влияние водных проблем на соседние страны (т.е. на страны Центральной Азии). Геополитические интересы России требуют более внятного вмешательства в эту борьбу по водной проблематике.

Практически все наблюдатели сообщают, что центрально-азиатские, в том числе узбекские и таджикские, эксперты по водным ресурсам, представляющие науку и административные органы, не только разговаривают друг с другом, но и подтверждают необходимость сотрудничества готовы предложить конкретные решения [3]. Совершенно очевидно, что проблема состоит не в сложности или даже неразрешимости технических вопросов, а в недостатке политической воли руководства центрально-азиатских государств при решении водной проблемы в целом, а также воли к любому иному региональному сотрудничеству. Чем это объяснить?

Во-первых, большое значение имеет тот факт, что все центрально-азиатские государства - это молодые государства. Для их руководства характерна типичная тенденция — ставить во главу угла национальные интересы, уделяя при этом гораздо меньше внимания региональным или международным аспектам. Для них очень важны демонстрация силы, международное внимание и имидж. Членство в международных организациях или заключение договоров значимы не по содержательным соображениям, а из-за внешнего эффекта, так что их выполнение не столь важно. Свои недавно обретенные суверенные права молодое государство не хочет ограничивать международными договоренностями, даже если они приносят политические выгоды. Аналогичны причины стремления к автаркии (при снабжении водой, энергией и продуктами питания) - даже если народнохозяйственные потери от этого очевидны.

Нынешние политические и экономические структуры во всех центрально-азиатских республиках также несут большую долю ответственности за нерешенность водной проблемы. "То, что отсутствие надежной правовой базы и обусловленные этим коррупция, кумовство и т.п. затрудняют поиск решений, само собой разумеется. Что дает межгосударственное соглашение, если коррупция и отсутствие механизмов правового государства не позволяют его реализовать? Тесное — как правило, семейное - сращивание политической и экономической элиты ведет к тому, что решения принимаются не обязательно в интересах государства, что значительную роль играют личные экономические выгоды. Тем более что существующие авторитарные режимы лишь в малой степени учитывают интересы населения. Очевидно, что при выработке решений

значение имеют не только экономические аспекты, но и стремление к личной власти и почестям. Огромное влияние и длительное пребывание у власти большинства президентов центрально-азиатских республик приводят к тому, что их, как известно, натянутые личные взаимоотношения негативно отражаются на отношениях между государствами. В этих условиях региональное сотрудничество становится иллюзорным, а вероятность того, что оно в ближайшее время начнется в сфере водных ресурсов, невелика. Тем более что за последние 20 лет - частью обоснованно, а зачастую безо всяких оснований - недоверие между государствами разрослось до огромных масштабов. Это привело к тому, что даже ситуации, когда возникает взаимная выгода, когда можно было бы в принципе стасовать обмен энергетических ресурсов зимой на сброс воды летом, не разрешаются к взаимной выгоде, а лишь множат взаимное недоверие. Напряженность доходит до того, что порой складывается впечатление, будто более веским аргументом является не собственная выгода, а ущерб, наносимый соседу. С другой стороны, напряженность и конкуренция между центрально-азиатскими государствами и их лидерами не только мешают налаживанию сотрудничества, но и способствуют сколачиванию единого фронта государств нижнего течения против государств верхнего течения рек, что позволяет сохранить мир в регионе.

К наследию советской эпохи в Центральной Азии относятся не только границы, водохранилища и оросительные системы. Большое значение имеют также определенный опыт и ценностные ориентиры. Уже тогда между республиками существовала конкуренция, которая сохраняется до сих пор. Как уже говорилось, уже тогда сталкивались разные интересы, причем не только в сфере распределения водных ресурсов. Эти противоречия улаживала Москва, то есть урегулирование происходило, во-первых, извне, а не на местах, во-вторых, на неравноправной основе; в- третьих, не на основе согласия или поиска компромиссов, а в результате давления; в-четвертых, урегулирование не было прозрачным и, в-пятых, оно зачастую опиралось на неверные данные. Этот опыт объясняет не только глубокое недоверие по отношению к интересам других государств и предлагаемой ими помощи, а также полную неготовность к компромиссам, но и очевидную неспособность к региональному сотрудничеству. Характерно, что членами существующих евразийских союзов являются также Россия и Китай.

Одним из существенных элементов советского наследия является также, конечно, отношение к воде как к бесплатному ресурсу, чем обусловлено расточительство, а также примат количества перед качеством - без должного внимания к эффективности и окружающей среде. В Центральной Азии говорят об экономном расходовании воды, но это звучит не очень убедительно. Ведь вместо реальной экономии снова выдвигается идея

о переброске вод сибирских рек Оби и Енисея в Центральную Азию.

Не следует также забывать, что принципиальное урегулирование проблемы водных ресурсов не может состоять только в соглашениях о распределении воды и энергии. Они должны сочетаться с огромным комплексом реформ, которые развивали бы рыночную экономику, регулировали бы земельные отношения и т.д. Важность и комплексный характер данного предмета эксперты считают одной из причин того, почему авторитарные руководители центрально-азиатских государств боятся выходить на окончательные решения и подписывать договоры.

Всеми этими факторами, тесно связанными с конкретными конфликтами интересов в сфере водных ресурсов, можно объяснить, почему взаимовыгодные варианты решений, подходы к которым всем давно известны, не привели к выработке удовлетворяющего всех договора. Наоборот, конфликты между центрально-азиатскими государствами обострились. Конфликты из-за водных ресурсов - это лишь внешнее проявление более глубоких проблем. Эти конфликты не только еще более ухудшили и так непростые отношения между государствами региона [4], но и превратились в нарастающую проблему.

Таким образом, проблема водных ресурсов в Центральной Азии не является, в принципе, неразрешимой, но сейчас и в ближайшем будущем - по крайней мере, пока этими государствами руководят элиты, сформировавшиеся в советскую эпоху, - вряд ли можно ожидать всеобъемлющего регионального решения. Прежде всего, потому, что водную проблему нельзя решить на уровне водной политики. Это возможно лишь на основе глубоких политических, общественных и экономических перемен. Это значит, что потребуется гораздо больше времени и терпения, чем предполагалось до сих пор, и что международное сообщество, возможно, добьется большего успеха, если пересмотрит свои масштабные планы, сформулировав более скромные и реальные цели.

Хотя нет никакого сомнения в том, что разрешение конфликтов, связанных с распределением воды, невозможно без регионального сотрудничества, следует исходить - пока климат межгосударственных отношений не изменится - из следующих принципов: лучше локальный или двухсторонний, ограниченный в своем действии, но реально работающий договор, чем никакого договора или обще региональный договор, который никем не соблюдается. В то же время следует, конечно, продолжать оказание технической помощи на национальном и прежде всего на местном уровне: необходимо проводить модернизацию гидротехнических сооружений и тем самым повышать эффективность водопользования; устанавливать новые, надежные измерительные приборы, показания которых впоследствии, возможно, станут вкладом в укрепление доверия между

государствами; надо проводить институциональные реформы национального или локального управления водными ресурсами. Все эти программы объединяет то, что они стоят больших денег, которых у заинтересованных государств нет в наличии или которые не предоставляются их руководством.

Итак, возможности западных участников в деле мирного урегулирования водной проблемы в Центральной Азии очень ограничены. Здесь следует ориентироваться на отдаленную перспективу, тем более что дальнейшие тенденции в решении проблемы распределения водных ресурсов не только связаны с политикой, но и сильно зависят от динамики мировых цен на энергию и хлопок. В конечном счете, остается надеяться на то, что вопрос распределения водных и энергетических ресурсов в Центральной Азии будет решен самими центрально-азиатскими государствами.

Список литературы

1. Есекин на конференции Фонда им. Фридриха Эберта, Москва, 2017. – С. 15.
2. Вартумян А.А. Современное состояние и проблемы развития водохозяйственной сферы в регионах Юга России//Юг России: экология, развитие, №1, 2017, Т. 12. – с. 62-72.
3. Вартумян А.А. Профессиональные элиты и политические проблемы: проявления регионалистских и сепаратистских тенденций в политике элит//Мат. межд. конгресса. Элиты и лидеры: стратегии форм в современном мире (19-22 апреля, 2017г.). – Астрахань: Изд-во АГУ, 2017. – С. 204-205.
4. Central Asia: water in conflict, 2002. – P. 27.